

Межкульт-привет! И профессиональная подготовка переводчиков. Профессиональная ли?

Д.Н. Шлепнев

Дисциплина «межкультурная коммуникация» / «теория межкультурной коммуникации» (МК / ТМК) победоносно шествует по планете и не менее победоносно внедряется в программы по подготовке переводчиков, да и не только их. А перевод, вне всякого сомнения, и есть МК. Казалось бы, вот он – брак, заключенный на небесах. Но тут и обнаруживаются проблемы. Алогизм, перегибы моды, нерациональная или бесполезная трата драгоценных часов (кредитов) по сути ради «галочки», а в конечном итоге – что самое тяжкое – даже извращение должного представления о переводе.

Исходная мысль сама по себе здрава. Очень важно показать, сколь различны культуры, сколь различно поведение и восприятие представителей разных культур, сколь различен их когнитивный опыт, сколь не одно и то же кроется за, казалось бы, «такими же» словами...

Но верно ли думать, что это *разъединяемые* явления по принципу: вот МК, а вот перевод? Что межкультурной коммуникации нужно учиться *отдельно* от перевода, а потом, видимо, попытаться к этому само-

му переводу как-то пришпилить. А ведь из разъединенности нередко напрашивается именно этот вывод. И что же тогда такое перевод? Подстановка слов, чисто лингвистическая операция «перекодирования», лишенная всякой коммуникативной составляющей? Таким образом на деле лишь укрепляются совершенно обывательские, глубоко непрофессиональные представления о переводе. Дополнительная проблема, своего рода довесок к сказанному: задания и упражнения по «межкультурной коммуникации» могут быть внешне страшно прогрессивные (можно писать про них статьи, разрабатывать актуальные программы), но на деле лишены практической пользы. «Галочка» будет поставлена, и «галочка» жирная. А вот толк? (Впрочем, последний упрек нынче можно обратить ко всем дисциплинам, преподавание которых ведется в рамках актуальных или модных подходов: гонка за «актуальностью» перевешивает практическую пользу и эффективность. На ум сразу приходит коммуникативный подход в обучении языкам, где актуальности может быть хоть отбавляй, а вот ни

знания языковой системы, ни умений по использованию языка и построению высказывания и текста правильно, узуально, сообразно коммуникативной ситуации и коммуникативной задаче – то есть, получается, именно коммуникативных речевых умений – нет как нет. И здесь хотелось бы напомнить, что переводчикам необходимо профессиональное, а не аппроксимативное владение языками.)

Сегодня иногда говорят (и это прозвучало, в частности, на первом Общероссийском методическом совещании по подготовке переводчиков), что сами студенты жалуются на недостаток межкультурной составляющей. Они хотят, чтобы их «учили межкультурной коммуникации». Причин не верить нет. Но здесь самым натуральным образом возникают три глобальных взаимосвязанных вопроса:

1. Что вообще имеется в виду? Приобретение конкретных полезных знаний и формирование умений, которые можно применить в работе, или что-то иное, что-то «вообще»? Если первое, то весь вопрос в: а) корректном представлении о переводе, его сущности, его проблемах и путях их решений (см. пункты 2 и 3) и б) собственно в рациональной организации обучения.

2. Корректно ли представление о переводческой деятельности в данном учебном заведении и у данных преподавателей? Не изъята ли попросту из перевода – его осмысления, его преподавания – главная, коммуникативная, составляющая, не сведен ли перевод к чисто лингвистическим преобразованиям и сопоставлению языков? Имеются ли практически ориентированные курсы – не только перевода, но и, например, страноведения?

Если посмотреть на некоторые пособия по переводу или статьи по дидактике перевода, можно прийти к той мысли, что: а) весь перевод есть не более чем набор отдельных упражнений; б) переводчик работает не с текстами, а с отдельными высказываниями, в которых он должен совершить некую правильную «трансформацию» («правильную» подстановку); в) перевод есть упражнение сопоставительно-языкового характера; г) перевод лишен реальной коммуникативной составляющей; д) проблемы встречаются переводчику и решаются им якобы всегда по отдельности, вне их взаимосвязи, не комплексно, не в тексте. Еще бы в таких условиях перевод и коммуникация (межкультурная или нет – уже и не важно) не жили в разных вселенных! И, разумеется, таким образом уничтожается самое существо перевода. Что же тогда по-настоящему нужно студентам? Корректное отношение к переводу.

Здесь придется, пожалуй, сделать одну оговорку и повториться: необходимость должной языковой подготовки даже не обсуждается. Элементы таковой, особенно в нашей системе, когда студенты изучают перевод одновременно с изучением языков, естественным образом присутствуют (и должны присутствовать) и в занятиях по практике перевода. Это можно обобщить на профессиональном уровне так: переводчик продолжает учиться всегда, в том числе и языку. Важно при этом не смешивать понятия и цели.

3. Адекватно ли представление о переводе самих студентов? Не воспринимают ли они его на общебытовом уровне? Не сводят ли они весь перевод к чисто лингвистической операции?

Преподаватель языка, не разбирающийся в переводе, вреда преподаванию

Подготовка переводчика

перевода не несет. Это, в общем-то, вполне классическая ситуация. Вреда нет потому, что владение языками есть необходимый фундамент для перевода (переводчика), но не есть сам перевод: смешения понятий не происходит. Сугубо языковые упражнения на «грамматический перевод» (переведите с использованием правильной конструкции, лексики из текста, правильного артикля и т.д.), которые так модно порой критиковать с позиций коммуникативного подхода к преподаванию языка и даже с позиций дидактики перевода, на деле очень полезны для изучения языка – они экономны и эффективны. Опять-таки смешения не происходит – вполне можно объяснить студентам: это формирование собственно языкового / речевого базиса (вот это надо знать, вот это надо уметь употреблять). Такое языковое упражнение само по себе не формирует ложное представление о переводе. Корень зла во все не в нем, а в общем непрофессиональном отношении к переводу. Весь вопрос в том, в какую систему представлений это упражнение встраивается. Вот когда оно подсовывается не как языковая подготовка, а как настоящий перевод, особенно на занятиях по переводу, – другое дело.

Специалист по межкультурной коммуникации, не разбирающийся профессионально (ударение на «профессионально») в переводе, способен, пожалуй, принести в подготовке переводчиков больше вреда, чем пользы. Вероятно, именно потому, что перевод есть форма (причем основная) межкультурной коммуникации. А тут вдруг в самой практике обучения происходит их искусственное разъединение. Что же касается ТМК в подготовке непереводчиков, такое разъединение лишь способно распространить и

укрепить ложное, непрофессиональное общебытовое представление о переводе.

ТМК неизбежно выходит на переводческую проблематику – по-иному и невозможно. Но исследователь межкультурных различий описывает проблему вообще и, в подкрепление, часто концентрируется на отдельных деталях, словах, на различиях и расхождениях, говоря о них, по сути, тоже «вообще». А слова неотвратимо сводятся к непереводимой сумме их лингвистических значений. Но с этим ли в реальности работает переводчик? Происходит опять-таки искажение представлений о переводе.

Переводчик работает с конкретным текстом. А текст – это нечто целостное, текст больше и сложнее, чем отдельные слова или отдельные высказывания. Тексты бывают разные. Переводчик работает в конкретной ситуации. Переводчик работает на определенную цель. Важным фактором является и вид перевода.

Переводчик принимает конкретные решения. Переводчик оценивает релевантность используемых средств. Он переводит то, что релевантно. Собственно, всё это – азбука профессионального перевода.

Решения, уместные и даже стандартные (рекомендуемые) в одних случаях, для одних текстов, могут оказываться неуместными в других. Эти различные решения отнюдь не взаимозаменяемы и не равноценны сами по себе, а зависят от текста и ситуации.

А именно этот аспект – *профессиональный* переводческий – закономерно игнорируется при столь отвлеченном подходе – отвлеченном от текста и ситуации. Добавляется один важнейший компонент (узкокультурологический), но изымаются другие.

Переводчик может поступить по-разному, что может быть продиктовано и видом перевода, и самой ситуацией, и текстом, и т.д. Вопрос в том, в контексте какой культуры или через призму какой культуры и в какой степени необходимо получателю воспринимать данный сегмент текста или данный текст – по обоснованному мнению переводчика.

Игнорируется и тот факт, что получатель в принципе способен к интеллектуальному усилию – вопрос, применительно к какому тексту, к какому сегменту текста и какой именно проблеме, в какой ситуации, и какое именно усилие (такое игнорирование, кстати, характерно для рассуждений о непереводаемости). Например, адаптация к принимающей культуре может оказаться как востребованной, так и прямо противопоказанной. А между этими крайними точками – гамма решений. В том числе, заметим, и по глубине адаптации, и по оценке результатов.

На практике *текст + коммуникативная ситуация + социокультурный и исторический контекст* способны подсказать переводчику возможные, допустимые решения. И точно так же *текст + ситуация + социокультурный и исторический контекст* способны подсказать получателю, как и что ему вернее истолковать. Переводчику же важно учесть это.

При подходе, отвлеченном от реальной переводческой деятельности, может упускаться из вида целый набор параметров. Не только вариативность текстов, ситуаций и целей перевода. Но и, например: факт обращения в ИТ к культуре третьих стран или сообществ; возможность того, что ПТ в каких-то аспектах может быть ориентирован и на принимающую, и на исходную, и даже вообще на какую-то тре-

тью¹ культуру; собственные познания переводчика; его решения, которые требуют не отвлеченного анализа (как «правильно всегда и везде»), а конкретного рассмотрения; собственные установки переводчика, их эффект и отношение к ним (ср. хотя бы отчуждение и одомашнивание); переводческие нормы, которые могут меняться во времени и в пространстве (от страны к стране); возможность нарушения таких норм (с последующими вопрошаниями: что это дает? разумно ли? спорно ли? не создается ли новая норма?)...

Характерно, кстати, что часто игнорируются или не освещаются должным образом такие факты, как относительное единство культур в каких-то аспектах, их сближение, большая распространенность или доминирование определенной культуры (сегодня – американской) и языка (английского), вообще доступность информации, хотя всё это имеет определенные последствия и выстраивает проблемы своеобразно для переводчика.

Кроме того, авторы, начиная рассуждать о переводе, исходят нередко (как правило?) из абсолютного типологического единства всех возможных ситуаций перевода и текстов, устремляясь к давно уже забытой в переводоведении – в силу своей полной несостоятельности – жесткой нормативности: «правильно только так!».

Приведу пример из книги авторитетного ученого С.Г. Тер-Минасовой, книги, в которой содержится масса интересных

¹ Применительно к ориентации на третью культуру можно вспомнить пример, цитируемый Э.-А. Гуттом. Переводилась Библия на язык гуарани (в данном случае в Бразилии). ПТ был ориентирован на принимающую культуру и звучал на ПЯ (гуарани) естественно, идиоматично. Однако носители ПЯ этот перевод забраковали. Им хотелось, чтобы ПТ звучал так, будто перевод осуществлялся с престижного в их глазах португальского языка [1. С. 193–194].

Подготовка переводчика

примеров и наблюдений. Но вот что получается применительно к переводу:

«Для того чтобы понять и, соответственно, правильно (выделено мной. – ДШ) перевести английское предложение *That morning she had a headache and stayed upstairs*, нужно знать, что представляет из себя английский *house*. Буквальным эквивалентом английских слов этого предложения будут русские слова: *В то утро она имела головную боль и осталась наверху*. Правильный перевод, передающий смысл предложения, – *В то утро у нее болела голова и она не вышла к завтраку*» [2. С. 57].

Что же в этом рассуждении вызывает вопросы с точки зрения переводчика?

Во-первых, если переводчик в нормальной ситуации покусается перевести первую часть фразы столь рабски, его надлежит высечь и более не подпускать к переводу. Ни один наш студент-переводчик так уже все-таки не переведет, уже не должен. Это классический случай буквалистической ошибки в «собственно переводе». Но даже тут можно обнаружить исключение насчет «правильности»: интерлинейарный перевод в исследовательских целях, например, по контрастивной лингвистике. Даже такой перевод оказывается пусть и маргинальным, но все-таки возможным и оправданным. Вопрос – где, когда, для кого и для чего: это и есть коммуникация.

Вообще же, как известно, тема буквализма – и вовсе давний предмет дискуссий.

Однако куда интереснее ситуация со второй частью: «осталась наверху». Почему «правильным» непременно будет перевод «не вышла к завтраку»? Только так и можно?

Ведь мы, переводчики, должны задаться вопросом, что именно хочет сооб-

щить нам отправитель? Каков контекст этого высказывания: как оно соотносится с содержанием соответствующего фрагмента или даже всего текста? Что в тексте говорилось до этой фразы? А что говорится после? Характерно, что «правильно» требуется тут перевести именно отдельное предложение. А что, если по тексту (по тексту, а не по отдельному предложению) нам нужно показать, что страдальца осталась именно наверху? Ведь если получатель не знает, что собой представляет английский дом-*house* (это и стремится продемонстрировать ученый), то как он поймет, где именно скрывается особа с мигренью? А что, если переводчик сочтет, что через этот сегмент он как раз и сможет познакомить отечественного читателя со схемой английского дома-*house*, потому что это нужно для понимания текста? А что, если по тексту мы прекрасно видим, что речь идет именно о завтраке? А почему нельзя сказать «осталась в своей комнате»? «У себя»? «Не спустилась к завтраку»? В последнем варианте указывается, кстати, сразу и на местоположение болящей и на завтрак.

А что за текст переводится? Художественный? Это одна ситуация. Кино, где добавляется необходимость учитывать видеоряд и, возможно, артикуляцию персонажей, а также ограниченность пространства-времени (ср. субтитры и дубляж)? Это другая ситуация. Цитата из ученого труда, автор которого приводит эту фразу для демонстрации или разбора каких-то своих построений? Совсем третья: переводчику важно понять, что тот стремится показать этой фразой, к чему она приведена.

«Правильными» в реальном тексте в реальной жизни могут оказаться разные варианты. Сам контекст может сильно

скорректировать наше решение. Точно так же разные варианты могут оказаться и спорными.

А если мы добавим к рассмотрению (например, в художественном переводе или переводе религиозных текстов) еще и собственные установки переводчика, его воззрения на «смысл» и «букву», на отчуждение и одомашнивание, то нам отдельно придется не просто говорить, а даже спорить о двух вещах: и о самих этих воззрениях (согласны ли мы с ними?), и об их реализации (получилось ли то, на что переводчик претендовал – а это далеко не одно и то же).

«Дом», “house” и “home”, конечно, концептуально не тождественны. Но вот в тексте мы с легкостью необычайной можем перевести оба английских слова как «дом» – и текст будет воспринят в достаточной степени адекватно. Актуализируются нужные нам значения. И они перекроются с исходными значениями в достаточной степени для того, чтобы нас поняли, и коммуникация состоялась. Мы передадим то, что релевантно.

Если посмотреть на традиционно упоминаемые проблемы с разным членением действительности в разных языках, то в реальной работе тут и вовсе возможны варианты. Где-то переводчику решение будет попросту продиктовано самим узусом ПЯ. Где-то уместным будет перевод дословный (или дословный с комментарием). Где-то переводчику придется проводить изыскания: консультации, поиск информации, изучение опытных образцов. Где-то можно будет задать уточняющий вопрос говорящему. А где-то переводчику придется и вовсе оперировать догадками без всякой гарантии верного угадывания. Характерно, что, если в последнем случае из-за непреодолимой неясности ИТ

решение переводчика может привести к нежелательным последствиям, то в письменном переводе надлежит информировать редактора (при работе на агентство) или же заказчика и(или) получателя – или кого-то из них. Но говорится ли обо всем этом в ТМК? Нет, упор делается на разные картины мира и «непереводимость».

Много чернил тратится на реалии и лакуны. Однако парадокс в том, что технически проблемы с ними решаются нередко очень просто. Более того, стоит заметить, что само столь привычное выражение «безэквивалентная лексика» нелогично по своей природе, ибо как раз переводческими эквивалентами многие реалии и лакуны вполне обзавелись, причем эквивалентами регулярными или словарными (не всякий регулярный эквивалент может быть зафиксирован в словаре; не всякий словарный эквивалент, даже удачный, может оказаться в строгом смысле регулярным, ибо для этого нужна частотность употребления).

Подлинно серьезная проблема для переводчика начинается там, где одновременно: а) такие понятия употреблены системно; б) они требуют системной передачи; в) отсутствуют устойчивые способы решения для данного случая. И тут это может превратиться в истинную головоломку. Потому что даже когда решение технически очень простое (сам по себе набор возможных приемов здесь ограничен и всем известен), до этой простоты нужно не просто додуматься, ее нужно оценить. Ибо потери и приобретения переводчику приходится взвешивать буквально на аптекарских весах. Таковы, например, многие случаи работы с юридической терминологией. А именно этот аспект и игнорируется.

Подготовка переводчика

Замечу по пути, уже применительно к теории перевода, что пора вообще перестать спорить о том, что якобы «сложнее»: «чисто лингвистический» аспект или, например, «чисто культурологический». Сам этот спор на диво выхолощен и непродуктивен, если мы изначально согласны рассматривать сам перевод как межкультурную коммуникацию. Многое, полагаю, зависит и от того, где спорящие проводят границу между «культурой» и «некультурой», между «культурологическими» и «лингвистическими» проблемами – что они считают таковыми, будто переводчик рассматривает их изолированно. Может ли эта граница быть полностью непроницаемой? Проблема преодоления межкультурного барьера отнюдь не сводится к одним лишь знаниям переводчика об инокультурной действительности, как в свое время полагал В.Н. Комиссаров [3. С. 113], – а эта мысль проскальзывает порой и сегодня. Знания – хорошо. Но ими надо с толком распорядиться.

Иными словами, проблема межкультурного барьера имеет теоретическое и практическое значение потому, что: а) перевод сам по себе есть типичный, основной вид межкультурной коммуникации; б) проблема межкультурного барьера несводима лишь к знаниям переводчика о фактах, персоналиях и явлениях действительности, ибо в) переводчик должен не просто знать или изучать факты, но принимать конкретное решение, уместное и обоснованное для данного текста в данной ситуации, и иметь представление о соответствующих переводческих нормах и принципах. А решения могут быть как однотипные, так и разные. Разные – в разных ситуациях. Разные – в разных культурах (в том числе и переводческих

культурах). Разные – в разные исторические периоды.

Дело здесь не в том, насколько сложным может оказаться решение конкретной проблемы. В чисто техническом отношении одни проблемы решаются достаточно легко и даже «на автомате». Другие же – потребуют времени и очень серьезных интеллектуальных усилий. Но и для того, чтобы что-то сделать «на автомате», необходимо изначально понимать, что можно делать и в каких случаях. Собственно, точно так же обстоит дело с любыми переводческими проблемами, не только чисто культурологическими.

Нам важно не забывать, что способ решения проблемы будет определяться набором факторов. А у переводчика имеется целый арсенал самых разных средств. Вопрос, что из этого арсенала пригодно здесь и сейчас – для перевода данного сегмента данного текста в данной ситуации. Существуют ли типичные способы решения конкретной проблемы? Работают ли они в данном случае? На нормы какой культуры (и в какой степени) мы ориентируемся? В контексте какой культуры (и в какой степени) получатель должен воспринимать сообщение? Нужны ли пояснения и комментарии? Должен ли получатель сам обратиться к источникам (или имеем ли мы право рассчитывать на это)? Будем ли адаптировать тот или иной сегмент текста к культуре получателя, будем ли эксплицитировать имплицитное? Подгоняем ли жанрово-стилистические особенности текста к принимающей культуре, если имеются какие-то отличия? Какими собственными установками руководствуется переводчик? И т.д.

Проблема межкультурного барьера проявляет себя всегда – с той или иной степенью интенсивности. В некоторых слу-

чая – минималистически, например, лишь через узус и особенности оформления, в том числе невербального (ср. указание дат, десятичных дробей, форма кавычек, использование пробелов, использование курсива и т.д.). Главное для переводчика в любом случае – корректно проблему увидеть, учесть и решить – стандартным ли образом или индивидуально.

Сказанное в предыдущих пяти абзацах относилось, как было отмечено, к теории перевода: именно там временами возникали подобные споры. Но если посмотреть на проблему под предлагаемым углом, а именно прагматически (причем и в семиотическом значении слова – коммуникативно-интерпретативно, и в обыденном – утилитарно, практически, технически), то мы обнаружим, что это упускается из виду – только уже на другой манер – в ТМК.

Обратим, например, внимание на то, как в ТМК может совершенно игнорироваться наличие у переводчика именно арсенала решений. От дословного перевода до адаптации, комментария и экспликации. И даже до опущения, когда это релевантно. Вспомним всё то, что так часто игнорируется (см. выше).

Итак, какие можно сделать общие выводы из сказанного:

1. *Не разделять искусственно то, что не должно разделяться.*

Не воспринимать «межкультурье» как какой-то «иной», сторонний довесок к «переводу» (удивительно, но тут каждое слово приходится брать в кавычки).

Студентам необходимо понимание специфики перевода – реальной специфики. Понимание того, что профессиональный перевод есть коммуникация: мы стремимся сделать понятным для полу-

чатателя некие смыслы с определенными коммуникативными и практическими целями. И не просто коммуникация: перевод по самой своей природе есть акт межкультурной коммуникации. Причем ее основная форма, основная ипостась. И не потому, что сейчас стало модно об этом говорить, не потому, что это «теория». А в силу элементарного достоверного факта: а) разные языки; б) получатель и отправитель в норме принадлежат к разным культурам (даже в условиях их относительно единства в определенных аспектах, ибо таковое не будет абсолютным).

Проблема межкультурного барьера имманентна переводу, что не означает при этом ни ее неприподъемности и нерешимости, ни какой-либо постоянной степени тяжести. Более того, межкультурный барьер – явление не статичное, а динамичное: и его характер, и его конкретные проявления, и, соответственно, возможные или оптимальные решения меняются во времени и пространстве.

Необходимо понимание самой проблемы межкультурного барьера и ее возможных проявлений – говоря обобщенно, собственно лингвистических, социолингвистических (текстостроительных) и социокультурных (фоновые знания, нормы поведения...). Понимание того, что различия в культурах способны проявляться по-разному, – а это может потребовать разных решений в переводе.

Понимание того, что перевод не есть подстановка слов и структур, не есть передача суммы лингвистических значений, а работа с тем, что релевантно в коммуникативном отношении для данного текста, данной задачи (цели), данного получателя как представителя определенного национально-культурного, социального

Подготовка переводчика

и профессионального сообщества, вообще данной ситуации.

II. *Обучаться профессиональному переводу как комплексному явлению.* Это уже вопрос практических занятий по переводу, их задач, их организации, их содержания.

В обучении нашему ремеслу это должно прежде всего осуществляться с помощью именно переводческих заданий:

а) выполнение и обсуждение перевода и подготовки к нему;

б) анализ текста без выполнения перевода – но анализ именно переводческий, а не собственно (или узко-) лингвистический, стилистический, культурологический, социологический или какой угодно «-ский» еще. Такой анализ направлен на формирование переводческого понимания текста, на выявление и объяснение возможных проблем и потенциально возможных путей их решения с точки зрения переводчика. В ходе анализа выясняется, что удалось понять начинающему переводчику, какую информацию необходимо установить, в чем, на взгляд переводчика, заключается проблема и как ее в принципе можно решить.

По моему глубокому убеждению, с этого вообще нужно начинать на первом-втором курсе бакалавриата, то есть еще за год-два до начала самих практических занятий по переводу. И начинать с текстов на родном языке, что объясняется не только уровнем подготовки студентов (это-то очевидно), но и устранением той проблемы, на которую так часто всё любят списывать – дескать, вся проблема в иностранном языке. Это приучает работать с *текстом*.

Наряду с таким анализом на раннем этапе необходимы, замечу, и раз-

вивающие переводческие упражнения. Прежде всего – реферирование. Но также перефразирование. И проводить такие занятия должны переводчики, именно переводчики.

В таких условиях прекрасно видно, что перевод – комплексная деятельность. Проблемы так или иначе связаны, а не подаются переводчику отдельно. И нужно видеть их связь.

III. Не затеоретизированность, а *ориентация на практику*. Нужно ли переводчику осознавать различия между культурами? Необходимо! Но в нашем деле такое изучение должно быть все-таки практически, а не теоретически ориентированным. В конце концов, продемонстрировать сам факт различия культур можно довольно быстро: объяснение феномена; его содержание (из чего состоит проблема, как может проявляться); примеры. И проблема в целом понятна. В том-то и дело, что на общем уровне студенты ее понимают без каких-то особых сложностей (примеры ведь, как правило, весьма наглядны). Сложности начинаются с конкретикой. Теория (отдельная теоретическая дисциплина в учебной программе) – это часы. Это драгоценное время. Которое можно было бы потратить с большей пользой, чем, например, заучивание разнообразных определений к термину «концепт».

IV. Вообще релевантные для перевода положения должны – по логике вещей – освещаться в рамках такой дисциплины, как теория перевода. Там им самое место: разговор по существу, именно для переводчика. Именно так феномен перевода можно представить комплексно. Впрочем, сказанное верно лишь в том случае, если сам курс теории перевода имеет практическую ориентированность.

Однако будем реалистами. Как известно, сегодня курс ТМК может быть прямо предписан учебному заведению: чтоб дисциплина под таким названием была, и всё тут. За уклонение – немедленное поругание от Рособрнадзора с последующими оргвыводами.

В идеале дисциплина под гордым именем «ТМК» должна быть, конечно, максимально ориентирована на практику и иметь четкий языковой / страноведческий уклон в привязке к конкретной паре языков / культур. От общей констатации и иллюстрации проблемы к конкретике. Ориентирована на то, что переводчику, работающему с определенным сочетанием языков (следовательно, культур), необходимо знать. На то, что ему действительно необходимо учитывать. На то, что ему действительно приходится делать. Упражнения и задания (если таковые предусмотрены) должны быть профессионально ориентированы и направлены на пополнение знаний и отработку соответствующих умений и навыков.

Причем знаний в значительной степени лингвистических. Характерно, что, когда мы набираем собственно культурологические познания, здесь очевидна (должна быть таковой) привязка к языку. Ведь всякое явление как-то называется, обо всяком факте как-то принято говорить, всякая предметная ситуация и всякое поведение каким-то образом описываются и т.д., и т.д.

В отечественных пособиях по переводу подобную функцию часто выполняют разного рода комментарии и вокабуляр (другое дело, насколько успешно). А разве не выполняют и не должны выполнять подобную функцию собственно языковые дисциплины? Выполняют, причем по определению (представьте себе хоть курс

юридического иностранного языка, хоть даже тему «магазины, покупки» и т.д.), – это попросту неизбежно.

И если будет возможность развить и углубить эту составляющую за счет должным образом ориентированного языкового (и страноведческого) курса ТМК, это можно будет только приветствовать. Тогда будет и соответствие руководящим предписаниям (дисциплина под нужным названием имеется, галочка поставлена), и надежда на практическую пользу от такого курса.

Поскольку мы изучаем язык одновременно с обучением переводу, то тем более важными для нас оказываются материалы, предназначенные для лингвистической и культурологической подготовки. Они не учат переводу как таковому, но позволяют соорудить и упрочить фундамент. Особенно ценны, конечно, учебно-справочные материалы, предназначенные специально для переводчиков и посвященные какой-то конкретной теме, какой-то определенной разновидности текстов. При условии, что в них не просто говорится, как «правильно перевести такую-то фразу» (хотя и это очень нужно, особенно в случае клише, этикетных и протокольных формулировок и т.п.), но и раскрываются конкретные лингвокультурные проблемы, подлежащие учету (тот же узус), и т.п. К сожалению, в нынешних условиях это труд не просто большой, но финансово неблагодарный, на который к тому же у преподавателя, и без того неадекватно загруженного «часами» (спасибо министерству) и испытывающего временами чувство голода, сложно сыскать время.

V. При этом приобретение соответствующих знаний должно идти по всем каналам. Это сооружение и укрепление фундамента.

Подготовка переводчика

Учебные занятия. Так, помимо занятий по переводу и по практике языка, через которые эти знания должны естественным образом поступать, в отечественной традиции был всегда, например, предусмотрен курс страноведения. Этот курс по своей специфике заточен (должен быть таковым) под предоставление практически ценной информации культурологического характера.

Самостоятельная работа. Книги, фильмы, видео, музыка, общение. Благодаря цифровым технологиям и Интернету сегодня имеется возможность активного просмотра видео, – а это эффективнейший способ не только приобретения энциклопедических и лингвистических знаний, знаний о вербальном и невербальном поведении, но и одновременно развитие умения воспринимать устную речь.

В заключение можно заметить, что довольно странное впечатление производят некоторые как бы научные сочинения на тему перевода (скажу осторожно: студенческие), в которых произнесены все надлежащие теоретические мантры про различие культур, про «типы текста»

(еще одна химера), про отдельные слова и даже (страшный прогресс) про ситуации и т.п. Но мантры эти успешно соседствуют с непониманием ИТ (причем включая языковые и культурологические аспекты – но конкретные, явленные в данном тексте), незнанием языка, неумением построить приемлемый ПТ, неверной оценкой релевантности тех или иных свойств текста и непониманием того, как ПТ (или его сегмент) воспринимается или может восприниматься получателем. Иными словами, вся конкретика и упускается...

ЛИТЕРАТУРА

1. Gutt E.-A. Translation and Relevance: Cognition and Context. – London & New York: Routledge, 2010. 284 p.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово. 2000. 264 с.
3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения. 1980. 166 с.